

В ДЕКАБРЕ 1965 ГОДА НА СЦЕНЕ КУИБЫШЕВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В СПЕКТАКЛЕ ПО ПЬЕСЕ А. ШТЕЙНА «ВДОВЕЦ» ДЕБЮТИРОВАЛА УЧАЩАЯСЯ СТУДИИ, ВОСПИТАННИЦА КИНЕЛЬ-ЧЕРКАССКОГО НАРОДНОГО ТЕАТРА Н. ШИПОВА.

она дрожит.

— До свидания, — говорим мы.

...Это было три года назад.

— Да, это было три года назад, — улыбается она.

Мы сидим друг против друга. Она немного изменилась: раньше была спокойней. И лицо стало как-то резче, усталое лицо.

— Тяжело?

Она молча кивает. Мы говорим о театре, о пьесе, о ее роли. А потом я прошу рассказать ее об этих трех годах. Она пожимает плечами. Это не легко.

А ВСЁ-ТАКИ ЭТО ВЫШЛО

Не люблю театральных программ. Когда гаснет свет и тяжелый занавес медленно идет в стороны и где-то вверху таинственно вспыхивают прожекторы, — я люблю слушать. Может, это немного смешно, но я люблю узнавать голоса. Можно не смотреть на сцену и слушать: Пономарев, Григорьев, Назарова, Боголюбова... еще Боголюбова... нет... Я знаю этот голос, я могу поручиться, что уже слышал его... Стоп. Я смотрю на сцену; нет, совершенно незнакомая актриса. Программку... А, черт, я не люблю программки...

...Наконец, антракт. Занавес. Яркие вспыхивают люстры. Боже, как медленно все ходят. Я бегу к дежурной: пожалуйста, программку. Чадаев... Ася... Женька... Вот: «Варя, девушка Женьки» — Н. Шипова.

Эн Шипова... Эн Шипова... И этот голос... Я еще раз смотрю в программку. И вдруг облегченно вздыхаю.

Эн — это Надя. И я сразу все вспоминаю.

...1963 год. Кинель-Черкассы. Поздний летний вечер, почти ночь. Крошечная деревянная будка, приткнувшаяся к танцплощадке, и тоненькая девушка, меняющая пластики. Пад-эспанец... хорошенький танец... Весело шаркают ноги. Летят в кучу пластики — танго, фокстроты, вальсы. Уже много пластинок. И над всем этим — голос, слабый, чуть слышный...

О чем он, этот голос? О театре, о Юрии Казакове, о жизни вообще, и снова о театре...

Она рассказывает нам о своем театре, и о Кремлевском театре, куда они ездили, и еще о театре, куда она хочет поступать. Мы вежливо киваем головами. Мы искренне желаем, чтобы все у нее вышло, и так же искренне верим, что ничего не выйдет. Все хотят быть артистами, грустно думаем мы про себя.

Медленно кружится последняя пластинка, и вдруг становится тихо. Где-то в парке притворно испуганно визжит женский голос. Потом и он стихает. Девушка складывает проигрыватель, заворачивает в газету пластинки. Мы выходим из будки. Холодно.

— До свидания, — говорит она. Мы чувствуем, как

Жизнь не пластинка, которую можно завести на любом месте. Все-таки она пытается. Она оставляет иглу на три года назад, и пластинка начинает крутиться... медленно... медленно... И опять звучит этот голос.

О чем он, этот голос? О театре, о Юрии Казакове, о жизни вообще, и снова о театре...

Она приехала сдавать в студию в ту же осень. Но этого не расскажешь, это надо пережить. Они жили, как в бреду.

— Там были такие девочки, — не то грустно, не то весело говорит она. — Мы смотрели на них вот так, — она показывает, как они смотрели на них. — Ну, а приехали нас, а не их.

...А потом была эта роль. Все это вышло как-то враз, неожиданно и стремительно. Она болела, и девочки пришли сказать ей домой. Она и помнит только эти восклицания, охи, испуганные и восторженные крики, — а потом все слилось в сплошном, непонятном и незнакомом до тех пор ритме. И она уж ничего не помнит до самой премьеры, до того самого дня, когда она, отыграв подряд два спектакля и раскладываясь вместе со всеми, и приняв все поздравления, и выслушав, как Штейн сказал ей: «Очень хорошо, молодец», — одна, совсем одна осталась в своей уборной и разрыдалась вдруг неожиданно и сама не зная отчего. Она плакала долго, неудержимо и хорошо. И потом, когда она кончила плакать и припудрила глаза, она почувствовала себя очень счастливой.

— Иногда бывает радостное счастье, которое как бы захлестывает. А бывает — тяжелое, но такое прочное-прочное.

Она улыбается далекой, особенной улыбкой, и я понимаю, что она вспоминает.

— А вообще премьеры — это чудо, — говорит она.

— Наверное, ради этого и живут...

...Я провожаю ее до лестницы. Тихо скользит тоненькая фигура. Нет, она ничуть не изменилась. Мы останавливаемся.

— До свидания, — говорит она.

— До свидания, — говорю я.

...А все-таки это вышло!